

ТОМАЗИ (TOMASI) против ФРАНЦИИ

Судебное решение от 27 августа 1992 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Гражданин Франции г-н Томази был арестован полицией в Бастии (Верхняя Корсика) 23 марта 1983 г. по подозрению в соучастии в убийстве и покушении на убийство, совершенных 11 февраля 1982 г. бывшим членом ФНОК (Фронт национального освобождения Корсики). 25 марта 1983 г. ему было предъявлено обвинение и в течение длительного времени он находился в предварительном заключении. Он двадцать три раза подавал просьбу об освобождении под залог или поручительство, но каждый раз его просьба отклонялась. Кроме того, 29 марта 1983 г. он подал жалобу на жестокое обращение с ним во время его содержания в полицейском участке. Он был обследован несколькими медицинскими экспертами, которые обнаружили различные телесные повреждения. Длительное следствие, в ходе которого был сменен следователь, судебные разбирательства в конечном итоге завершились тем, что 22 октября 1988 г. Томази был оправдан судом ассизов Жиронды и по решению судебной Комиссии по возмещению ущерба получил компенсацию в 300 000 франков.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 10 марта 1987 г., заявитель утверждал, что имело место нарушение статей 3, 6 п. 1 и 5 п. 3 Конвенции. 13 марта 1990 г. жалоба была объявлена приемлемой. После неудачной попытки уладить дело мировым соглашением сторон, Комиссия 11 декабря 1990 г. подготовила доклад, в котором были установлены факты и выражено мнение, что имело место нарушение статьи 3 (двенадцать голосов против двух), статьи 6 п. 1 (тринадцать голосов против одного) и статьи 5 п. 3 (единогласно) Конвенции.

Комиссия передала дело в Суд 8 марта 1991 г. Правительство сделало то же самое 13 мая 1991 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 3

75. По утверждению заявителя, длительность его заключения нарушает статью 5, пункт 3 которой гласит:

“Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд”.

А. Предварительные возражения Правительства

76. Правительство выдвинуло два предварительных возражения: не были исчерпаны все средства внутренней защиты, и заявитель утратил статус жертвы.

77. Ссылаясь на свою постоянную судебную практику (см. решение по делу Дрозда и Янусака от 26 июня 1992 г. Серия А, т. 240, с. 31—32, п. 100), Суд считает себя компетентным рассматривать такие возражения, хотя Комиссия и утверждает обратное по первому из них.

1. Были ли исчерпаны все внутренние правовые средства?

78. Правительство подчеркивает, как оно это уже делало в Европейской Комиссии, что г-н Томази обратился в Комиссию уже 10 марта 1987 г., то есть еще до того, как он обратился в Комиссию по возмещению ущерба при Кассационном суде (см. п. 1 и 40 выше). По мнению Правительства, возмещение, предоставленное 8 ноября 1991 г. Комиссией (см. п. 42 выше) делает жалобу, основанную по статье 5 п. 3 Конвенции необоснованной.

79. Суд согласен с заявителем и представителем Комиссии в том, что право добиваться прекращения лишения свободы отличается от права получить возмещение за такое лишение. Суд отмечает, что статья 149 Уголовно-процессуального кодекса связывает выплату возмещения с определенными условиями, которые не требуются по статье 5 п. 3 Конвенции: принятие “окончательного решения об отсутствии состава преступления или оправдании” и наличие “очевидно аномального и особо серьезного ущерба” (см. п. 40 выше). Наконец, г-н Томази подал свое заявление в Страсбург после четырехлетнего заключения.

Следовательно, это возражение Правительства подлежит отклонению.

2. По возражению об утрате статуса жертвы

80. По мнению Правительства, заявитель утратил статус “жертвы” в смысле статьи 25 п. 1. Своим решением о выплате ему 300 000 франков Комиссия по возмещению ущерба признала превышение “разумного срока” и исправила ситуацию.

Заявитель не согласен с таким утверждением.

81. Суд отмечает, что эта аргументация Правительства впервые прозвучала на слушании 25 февраля 1992 г., а не в сроки, установленные статьей 48 п. 1 Регламента Суда. Однако Правительство представило свои соображения до принятия решения Комиссией по возмещению ущерба, соответственно, данная аргументация не может считаться запоздалой.

Вместе с тем она вызывает те же возражения, что и утверждение о неиспользовании всех средств внутренней защиты. Следовательно, возражение Правительства лишено основания.

В. Об обоснованности жалобы

82. Г-н Томази считает, что срок его предварительного заключения был чрезмерным. Это заявление оспаривается Правительством, но с ним согласна Комиссия.

83. Рассматриваемый период начался 23 марта 1983 г., когда заявитель был арестован, и завершился 22 октября 1988 г. оправдательным приговором суда ассизов Жиронды. Следовательно, он длился пять лет и семь месяцев.

84. Национальные судебные власти призваны в первую очередь следить за тем, чтобы в каждом конкретном случае длительность предварительного заключения обвиняемого не превышала разумных пределов. С этой целью они должны рассматривать все обстоятельства, позволяющие подтвердить наличие публичного интереса, который с учетом презумпции невиновности оправдывал бы исключение из общей нормы уважения свободы личности, и должны учитывать их в своих решениях, принимаемых по просьбам об освобождении. Именно на основании мотивов, содержащихся в вышеуказанных решениях, а также мотивов, указанных заявителем в его обращениях, Суд и будет определять, имело ли место нарушение статьи 5 п. 3.

Наличие серьезных оснований подозревать арестованного в совершении правонарушения является условием *in re qua non* правомерности содержания под стражей, но по истечении определенного срока только этого уже недостаточно; Суд должен в этом случае определить, оправдывают ли лишение свободы другие принятые во внимание судебными властями аргументы. Если они окажутся “относящимися к делу” и “достаточными”, Суд должен установить, проявили ли национальные компетентные органы “особую старательность” в ходе расследования (см. в качестве примера последнего решение по делу Клосса от 12 декабря 1991 г. Серия А, т. 225, с. 14, п. 36).

1. Мотивы продолжения содержания под стражей

85. Для отклонения прошений об освобождении г-на Томази следственные органы выдвигали — по отдельности или совокупно — четыре основные причины: тяжесть фактов; предохранение публичного порядка; необходимость не допустить давления на свидетелей или сговора с другими обвиняемыми по делу; опасность сокрытия от правосудия.

(а) Тяжесть фактов

86. Следователи и обвинительные палаты подчеркивали особую или исключительную тяжесть фактов, вменявшихся в вину заявителю.

87. Заявитель не оспаривает этого, но считает эту причину недостаточной для оправдания столь длительного предварительного заключения при отсутствии иных подозрений, кроме принадлежности к националистическому движению. Такая длительность предварительного заключения может быть приравнена к реальному сроку отбытия наказания лицом, приговоренным к десяти годам тюремного заключения.

88. Что касается Правительства, то оно настаивает на неизменных показаниях другого обвиняемого по делу — г-на Мораккини, уверявшего, что г-н Томази участвовал в подготовке и организации покушения.

89. Наличие, неоднократно подтвержденное, серьезных признаков виновности, несомненно, являются важными факторами, но Суд, как и Комиссия, считает, что сами по себе они не оправдывают столь длительного предварительного заключения.

(b) Предохранение публичного порядка

90. Большинство судов, занимавшихся этим делом, энергично и в очень сходных формулировках настаивали на необходимости охранять публичный порядок от волнений, вызываемых преступлениями и правонарушениями, которые вменялись в вину заявителю.

Правительство соглашается с этим доводом, в то время как заявитель и Комиссия подвергают его критике.

91. Суд признает, что некоторые правонарушения в силу их особой тяжести и реакции на них общественности способны привести к социальным волнениям, что оправдывает предварительное заключение, по крайней мере в течение определенного времени.

Следовательно, в особых обстоятельствах и, конечно, при наличии достаточных доказательств (см. п. 84 выше) этот элемент может учитываться с точки зрения Конвенции, во всяком случае там, где внутреннее право юридически закрепляет — как, например, статья 144 французского Уголовно-процессуального кодекса — понятие нарушения публичного порядка в результате правонарушения. Однако его можно считать явным и достаточным только тогда, когда он основан на фактах, свидетельствующих, что освобождение заключенного действительно способно нарушить публичный порядок или если этот порядок находится под реальной угрозой. Предварительное заключение не должно предвосхищать наказание в виде лишения свободы (см. решение по делу Кеммаша от 27 ноября 1991 г. Серия А, т. 218, с. 25, п. 52).

В данном конкретном случае следователи и обвинительные палаты рассматривали необходимость продления срока содержания под стражей в исключительно абстрактной форме, ограничившись подчеркиванием тяжести содеянного (см. *mutatis mutandis* то же решение, с. 25, п. 52) или его последствий. В любом случае террористический акт против центра отдыха Иностранного легиона был преднамеренным террористическим актом, ответственность за который взяла на себя подпольная организация, ведущая, по ее заявлению, вооруженную борьбу. В результате этого акта один человек погиб, другой получил тяжкие телесные повреждения. Следовательно, вполне закономерно полагать, что изначально существовало нарушение публичного порядка, но со временем оно исчезло.

(с) Опасность давления на свидетелей и сговора с другими обвиняемыми по делу

92. Ряд судебных решений по данному делу был обусловлен существованием опасности давления на свидетелей — обвинительная палата г. Пуатье даже заявляла о “кампании запугивания” — и опасности сговора между всеми обвиняемыми по делу, в то же время никаких подробностей не приводилось (см. п. 16, 22 и 35 выше).

93. По мнению Правительства, угрозы в адрес г-на Мораккини не допускали возможность освобождения. Г-н Томази мог бы способствовать уси-

лению давления на г-на Мораккини, который был тем лицом, с которого началось уголовное преследование, и который затем пытался покончить с собой.

94. Заявитель оспаривает это утверждение, в то время как Комиссия своего мнения не высказывает.

95. По мнению Суда, реальная опасность давления на свидетелей существовала с самого начала. Со временем она уменьшалась, но полностью не исчезла.

(d) Опасность побега

96. Правительство утверждает, что существовала опасность побега. Оно ссылается на тяжесть наказания, которое грозило г-ну Томази. Оно ссылается также на бегство г-на Пьери, который преследовался за те же нарушения закона, что и г-н Томази, и так же, как и г-н Томази, все время заявлял о своей невинности, но тем не менее в течение трех с половиной лет скрывался от правосудия. Наконец, оно ссылается на специфику ситуации на Корсике.

97. Заявитель утверждает, что он представлял достаточные гарантии своей явки в суд; они основывались на его статусе коммерсанта, на том, что его судебное досье чисто, и на том, что у него безупречная репутация.

98. Суд отмечает, что доводы Правительства, приведенные в Суде, не содержатся в оспариваемых судебных решениях. Конечно, эти решения основывались в своем большинстве на том, что г-н Томази должен находиться в распоряжении правосудия (см. п. 16, 22, 31 и 35 выше), но только в одном из них — решении обвинительной палаты г. Пуатье от 22 мая 1987 г. — эта установка конкретизирована указанием на возможное содействие членов бывшего ФНОК с тем, чтобы он мог скрыться от правосудия (см. п. 35 выше).

Кроме того, Суд напоминает, что опасность побега нельзя оценивать только на основании тяжести наказания; она должна оцениваться на основании совокупности дополнительных данных, которые могут либо подтвердить ее наличие, либо показать, что она настолько невелика, что не может оправдывать длительность предварительного заключения (см., в частности, решение по делу Летелье от 26 июня 1991 г. Серия А, т. 207, с. 19, п. 43). В данном случае в решениях следственных органов не содержится мотивов, которые могли бы объяснить, почему, невзирая на аргументы, представляемые заявителем в его прошениях об освобождении, они сочли определяющим элементом опасность побега и не пытались сочетать его, например, с использованием таких средств, как внесение залога и режим судебного контроля.

(e) Вывод

99. В целом некоторые мотивы отказа г-ну Томази в его просьбах были очевидными и достаточными, но со временем они в значительной степени утратили свою остроту, поэтому следует рассмотреть движение процедуры разбирательства.

2. Проведение разбирательства

100. По мнению заявителя, дело не представляло особой сложности, так как следствие по нему закончилось уже 18 октября 1983 г. (см. п. 12

выше). Однако судебные власти продолжали совершать ошибки и упущения; в частности, прокуратура отказывалась затребовать материалы, оспаривала проведенные следственные действия, давала отвод судьям Бастии, передала дело в суд, не имевший полномочий. Конечно, Закон 30 декабря 1986 г. усложнил ситуацию, так как на его основании к текущим делам стал применяться Закон от 9 сентября 1986 г., но в то время г-н Томази находился в заключении уже около четырех лет. Он сожалеет о том, что за пять лет он был допрошен судебным следователем только один раз — 5 сентября 1985 г. в Бордо.

По поводу собственного поведения он напоминает, что двадцать одно из своих двадцати трех прошений об освобождении он подал после повторного допроса (см. п. 14, 21, 31, 33—36 выше) и что кассационную жалобу на решение обвинительной палаты г. Бордо он подал 27 мая 1986 г., что привело к отмене решения из-за нарушения прав защиты (см. п. 19 выше).

Комиссия в принципе согласна с этим доводом.

101. Правительство со своей стороны не считает неразумной длительность срока. Прежде всего оно настаивает на сложности предъявления обвинения заявителю и трем другим обвиняемым по делу, учитывая принятие Закона от 30 декабря 1986 г. и совпадающую компетенцию обвинительных палат г. Пуатье и г. Бордо. Кроме того, оно опирается на даты процессуальных действий, чтобы показать, что власти действовали оперативно и оба замедления в разбирательстве объяснялись отстранением судьи из г. Бастии и применением Закона 30 декабря 1986 г. Оно упрекает г-на Томази в подаче нескольких жалоб, в частности, после первого решения о предъявлении обвинения от 27 мая 1986 г. в Бордо, что сильно затянуло начало судебного разбирательства. Наконец, подчеркивая большое число прошений об освобождении, поданных заявителем, оно считает его частично ответственным за длительность его заключения.

102. Суд согласен, что особая быстрота, на которую находящийся в заключении обвиняемый имеет право рассчитывать при рассмотрении его дела, не должна мешать тщательным усилиям судей по исполнению их обязанностей с должной тщательностью (см. в частности *mutatis mutandis* решение по делу Тота от 12 декабря 1991 г. Серия А, т. 224, с. 20—21, п. 77). Из дела тем не менее следует, что французские суды не проявили в данном деле должной оперативности. Генеральный прокурор при Кассационном суде признал это в своем заключении от 5 июня 1991 г., представленном в Комиссию по возмещению ущерба: следствие “могло бы быть значительно сокращено, если бы не обнаруженные многочисленные нарушения сроков”, особенно с ноября 1983 г. по январь 1985 г. и с мая 1986 г. по апрель 1988 г. Следовательно, оспариваемая длительность заключения не может быть отнесена на счет сложности дела, или поведения заявителя.

3. Вывод

103. Следовательно, нарушение статьи 5 п. 3 имело место.

II. О предполагаемом нарушении статьи 3

104. Г-н Томази утверждает, что во время его содержания под стражей в комиссариате полиции г. Бастии он подвергался жестокому обращению, несовместимому со статьей 3, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

А. Предварительное возражение Правительства

105. Правительство утверждает, что не были использованы все внутренние правовые средства: по его мнению, заявитель мог бы добиться возмещения ущерба в гражданских судах, поскольку государство отвечает за непропорциональные действия его служащих при исполнении ими своих обязанностей.

106. Единственным доказательством того, что были использованы не все средства внутренней защиты, которое Правительство представило Комиссии в контексте статьи 3, была преждевременность подачи заявления в Страсбург, так как французскими судами не было принято никакого решения по существу дела. Суд, как и представитель Комиссии, считает, что право ссылаться на это обстоятельство отпало в связи с истечением преюльзивного срока.

В. Об обоснованности жалобы

107. В жалобе г-на Томази по данному делу ставятся два отдельных, хотя и тесно взаимосвязанных вопроса: прежде всего вопрос о причинной связи между жестоким обращением с ним во время его содержания под стражей в комиссариате полиции и телесными повреждениями, зафиксированными после этого следователем и врачами; затем, в случае установления этой связи, — вопрос о тяжести инкриминируемого обращения.

1. Причинная связь между заявленным жестоким обращением и зафиксированными телесными повреждениями

108. По словам заявителя, протокол, составленный 25 марта 1983 г. судебным следователем г. Бастии, доклады врачей, составленные после его содержания под стражей в комиссариате, подтверждают его заявления, даже несмотря на тот достойный сожаления факт, что тюремная администрация не представила рентгеновских снимков, сделанных 2 апреля 1983 г. в больнице г. Бастии. На его теле имелись следы, имеющие единственное происхождение — жестокое обращение с ним в течение примерно сорока часов некоторыми ведущими допрос полицейскими: пощечин, ударов ногами, кулаками, длительных “стоек” без опоры со скованными за спиной руками, плевков, раздевания догола перед открытым окном, отказа в пище, угроз оружием и т. д.

109. Правительство признает, что не может дать разъяснений о происхождении телесных повреждений, но, по его словам, они не являются результатом жестокого обращения с г-ном Томази. Из медицинских свидетельств якобы следует, что обнаруженные небольшие синяки и ссадины никак не связаны с насильственными действиями, которые описывал заявитель; свидетельство главного врача тюрьмы г. Бастии от 4 июля 1989 г. было якобы выдано с запозданием и полностью противоречило предыдущим свидетельствам. Что касается времени проведения допросов, которое не оспаривается заявителем, то оно ни не подтверждает того, что говорит заявитель. Наконец, остальные пять человек, находившиеся в то время под стра-

жей, ничего не заметили и ничего не слышали, и если кто-то из них упоминал, что у г-на Томази оказался выбит зуб, то впервые об этом факте один из врачей заявил лишь шесть лет спустя. Короче говоря, по заявлению Правительства, налицо очевидные сомнения, которые не позволяют презюмировать причинную связь между поведением тех, кто вел допросы, и телесными повреждениями г-на Томази.

110. Как и Комиссия, Суд основывается на нескольких исходных положениях.

Прежде всего никто не утверждает, что следы, обнаруженные на теле заявителя, могли появиться до его ареста или объясняться тем, что он сам нанес их себе, либо они получены при попытке к бегству.

Более того, уже при первой встрече со следователем он показал ему следы на груди и под ухом; следователь отметил этот факт и немедленно назначил экспертизу (см. п. 45, 48 выше).

Кроме того, четыре разных врача — один из них был из тюремной администрации — осматривали обвиняемого в первые дни после его содержания под стражей в полиции. Их свидетельства содержат точные и совпадающие медицинские свидетельства, а также даты появления ран, которые соответствуют срокам пребывания в полиции (см. п. 47, 48 и 50 выше).

111. Такие выводы освобождают Суд от необходимости вникать в другие действия, вменяемые в вину служащим полиции.

2. О тяжести жестокого обращения, на которое жалуется заявитель

112. Основываясь на судебном решении по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. (Серия А, т. 25), заявитель утверждает, что наносившиеся ему удары представляли собой бесчеловечное и унижающее его достоинство обращение: с одной стороны, они причиняли ему сильные моральные и физические страдания; с другой стороны, они вызывали у него чувство страха, тревоги и неполноценности, которые могли унижить его и сломить его физическое и моральное сопротивление.

Он призывает Суд проявить особую бдительность в этом вопросе, учитывая особенности французской системы содержания под стражей в полиции, в частности, отсутствие адвоката и любых контактов с внешним миром.

113. Со своей стороны, Комиссия подчеркивает уязвимость лица, находящегося в предварительном заключении, и выражает удивление выбором времени допросов. Хотя телесные повреждения могут показаться достаточно легкими, они представляют собой свидетельство применения физической силы в отношении лишеного свободы лица, которое, следовательно, находится в неравном положении; подобное обращение носит характер одновременно бесчеловечный и унижающий достоинство.

114. Напротив, по мнению Правительства, “минимальная тяжесть”, требуемая на основании судебной практики (упоминавшееся выше решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* и решение по делу Тайрера от 25 апреля 1978 г. Серия А, т. 26) не была достигнута. Необходимо также учитывать не только легкость телесных повреждений, но и остальные обстоятельства дела: молодость и хорошее состояние здоровья г-на Томази, умеренную длительность допросов (четыренадцать часов, три из которых — ночью), “особые обстоятельства” на Корсике в то время, подзрения в соучастии в террористическом акте, который привел к гибели

одного человека и тяжело покалечил другого. То толкование статьи 3, которое Комиссия предлагает в данном деле, по мнению Правительства, противоречит цели Конвенции.

115. Суд не может присоединиться к этому мнению. Суд не считает себя обязанным рассматривать систему и конкретные условия содержания под стражей в полицейском учреждении во Франции, так же — как в данном случае — длительность и частоту допросов заявителя. Ему достаточно отметить, что медицинские свидетельства и доклады, независимо составленные практикующими врачами, говорят об интенсивности и множественности нанесенных г-ну Томази ударов; налицо два достаточно серьезных элемента, которые придают этому обращению с ним бесчеловечный и унижающий достоинство характер. Потребности следствия и бесспорная сложность борьбы с преступностью, в частности, с терроризмом не могут вести к ограничению защиты физического состояния человека.

3. Вывод

116. Исходя из сказанного, имело место нарушение статьи 3.

III. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1

117. Наконец, заявитель жалуется на длительность разбирательства его жалобы требованием возмещения ущерба на обращении с ним в полиции. Он ссылается на статью 6 п. 1, которая гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом...”

A. Предварительное возражение Правительства

118. Правительство утверждает, как оно делало и в Комиссии, что заявитель не исчерпал все средства внутренней защиты, не возбудив против государства иска о возмещении ущерба на основании норм внутреннего права.

119. Суд ограничивается тем, что отмечает, что речь идет о запоздалом аргументе, поскольку он впервые был заявлен в Суде на слушании 25 февраля 1992 г., а не в сроки, установленные в статье 48 п. 1 Регламента.

B. Об обоснованности жалобы

1. О применимости статьи 6 п. 1

120. По утверждению Правительства, оспариваемая процедура не подпадает под понятие “определение прав и обязанностей гражданско-правового характера”. Лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, предъявляет публично-правовой иск либо присоединяется к иску, уже предъявленному прокуратурой. Это лицо должно настаивать на вынесении обвинительного приговора тому, на кого принесена жалоба, и на этом основано требование материальной компенсации. Иными словами, гражданско-правовой аспект обусловлен тем, нарушен или нет закон.

121. Суд, как и заявитель, а также Комиссия, не может согласиться с таким мнением.

Статья 85 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает подачу жалобы с одновременным представлением гражданско-правового требования. Такова судебная практика Кассационного суда при применении статьи 2 того же Кодекса, которая гласит:

“Право на предъявление гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного преступлением, деликтом или проступком, принадлежит всем, кто лично понес ущерб, непосредственно причиненный данным правонарушением”.

Судебный следователь признает такой иск допустимым — в данном случае он так и поступил, — если только приводимые обстоятельства позволяют ему предположить наличие ущерба и его прямую связь с правонарушением.

Право на получение возмещения, которого требует г-н Томази, зависит, следовательно, от исхода его жалобы, то есть от осуждения лиц, подвергших его, по его утверждению, жестокому обращению. Это право имеет гражданский характер, невзирая на подсудность дела уголовным судам (см. *mutatis mutandis* решение по делу Морейра де Азеведо от 23 октября 1990 г. Серия А, т. 189, с. 17, п. 67).

122. Вывод Суда: налицо основания для применения статьи 6 п. 1

2. О соблюдении статьи 6 п. 1

123. Остается выяснить, имело ли место превышение “разумного срока”. И заявитель, и Комиссия считают, что оно имело место, Правительство с этим не согласено.

(a) Принимаемый во внимание период

124. Принимаемый во внимание период начался 29 марта 1983 г. — дата подачи жалобы г-ном Томази; он завершился 6 февраля 1989 г. — датой объявления решения Кассационного суда об отклонении кассационной жалобы на решение обвинительной палаты Апелляционного суда г. Бордо (см. п. 46, 47 выше). Следовательно, этот период насчитывает пять лет и десять месяцев.

(b) Обоснованность сроков разбирательства

125. Обоснованность сроков разбирательства оценивается на основе критериев, сложившихся в практике Суда и зависит от обстоятельств дела, которые в данном случае требуют глобальной оценки.

Как следует из решений, принимавшихся по данному делу (см. п. 63, 66 и 67 выше), оно не представляло особой сложности. Кроме того, заявитель отнюдь не способствовал затягиванию разбирательства, когда он обжаловал постановление о прекращении уголовного дела в обвинительной палате Апелляционного суда г. Бордо и просил провести дополнительное расследование (см. п. 64). Ответственность за отмеченные задержки ложится главным образом на судебные власти. В частности, прокурор республики г. Бастиа лишь по истечении полутора лет обратился в Кассационный суд по поводу назначения компетентного следственного органа (см. п. 57, 58 выше). Со своей

стороны, судебный следователь г. Бордо лишь один раз встретился с г-ном Томази и, судя по всему, не предпринимал никаких следственных действий с марта по сентябрь 1985 г., а затем с января 1986 г. по январь 1987 года.

Следовательно, нарушение п. 1 статьи 6 имело место.

IV. О применении статьи 50

126. В соответствии со статьей 50

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

На основании этой статьи заявитель требует возмещения ущерба и компенсации расходов.

А. Ущерб

127. Г-н Томази выделяет три категории ущерба:

(а) материальный ущерб в 900 000 франков, возникший вследствие нарушения статьи 5 п. 3 и соответствующий невыплаченной ему зарплате (600 000 франков) и доходам от торговли (300 000 франков);

(b) ущерб, оцениваемый в общую сумму 200 000 франков и возникший, также в контексте статьи 5 п. 3, в результате тридцати двух поездок его семьи на континент, чтобы посетить его в тюрьме;

(с) моральный вред в 1 500 000 франков, включая 1 000 000 — за нарушение статьи 5 п. 3 и 500 000 — за нарушение статей 3 и 6.

128. По мнению Правительства, Комиссия по возмещению ущерба уже полностью возместила ущерб, связанный с чрезмерностью срока предварительного заключения. Если Суд установит факт нарушения статьи 6 п. 1 и статьи 3, то само это решение уже явится достаточно справедливым удовлетворением морального вреда.

129. Что касается представителя Комиссии, то он настаивает на выплате суммы, компенсирующей моральный и материальный вред, но предоставляет Суду оценку этого ущерба.

130. Суд отмечает, что заявитель понес несомненный моральный и материальный вред. Принимая во внимание различные относящиеся к делу обстоятельства, в том числе решение Комиссии по возмещению ущерба, Суд, действуя в соответствии со статьей 50, присуждает ему в качестве справедливого возмещения 700 000 франков.

В. Судебные издержки и расходы

131. Кроме того, г-н Томази требует возместить ему его расходы и издержки. За разбирательство во французских судах он требует 276 500 франков (мэтры Леклерк и Лашо — 141 500 франков; мэтр Станьяра —

100 000 франков; мэтр Буланже — 5 000 франков; мэтр Ваке — 30 000 франков). В качестве возмещения расходов, понесенных в органах Конвенции, он требует 237 200 франков.

132. Правительство и представитель Комиссии не высказались по поводу первой суммы. По поводу второй суммы Правительство ссылается на решения, принимавшиеся по делам, где стороной являлась Франция, а представитель полагается на мудрость Суда.

133. Вынося решение о справедливом возмещении и на основе критериев, которые он применяет в данной области, Суд присуждает заявителю в целом 300 000 франков.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклонил* предварительные возражения Правительства;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 п. 3, статьи 3 и статьи 6 п. 1;

3. *Постановил*, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев 700 000 (семьсот тысяч) французских франков за нанесенный ущерб и 300 000 (триста тысяч) французских франков в возмещение судебных издержек и расходов;

4. *Отклонил* просьбу о справедливом возмещении в остальном.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 27 августа 1992 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается совпадающее мнение судьи Де Мейера.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Было бы достойно сожаления, если бы п. 107—115 решения оставили впечатление, будто бы нанесение ударов находящемуся под стражей лицу запрещено только в том случае, когда они превышают определенный “минимум тяжести”¹, в частности, из-за их “интенсивности” и “множественности”².

¹ Решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 65, п. 62.

² См. п. 115 настоящего решения.

В отношении лишения свободы лица любое применение физической силы, если оно не вызвано крайней необходимостью из-за его собственного поведения³, наносит ущерб человеческому достоинству и должно, следовательно, считаться нарушением права, гарантируемого статьей 3 Конвенции⁴.

Тяжесть обращения имеет особое значение, когда необходимо установить, применялись ли пытки⁵.

³ Например, при “попытке к бегству” или в случае “причинения вреда самому себе” или другим (см. также п. 110 решения).

⁴ Даже если речь идет лишь о “пощечинах или ударах по голове и лицу” можно удивляться, что Комиссия как бы свыклась с жестокостями такого рода. См. в этой связи ее доклад по греческому делу (Annuaire de la Convention, № 12).

⁵ Пытки представляют собой особо тяжелую форму “бесчеловечного или унижающего достоинство обращения”. См. статью 1 п. 1 Резолюции ООН 3254 принятой 9 декабря 1975 г., а также упомянутое решение *Ирландия против Соединенного Королевства*, п. 167 и особое мнение судей Зекиа, О’Донохью и Эвригениса.